

16 мая 1976 г.

«ПЕСНЯ—ДВЕРЬ В МУЗЫКУ...»

Представляю собеседника: высокий, слегка сутуловатый. Говорит торопливо, мысль опережает слово. Тем не менее в суждениях точен. Собеседник он интересный, с оригинальными поворотами мысли. Композитор. Пишет много — оперную музыку, камерные вокальные циклы (их прекрасно исполняет Э. Долуханова). Однако, сужу по себе, широким слоем любителей музыки он знаком преимущественно по музыке к кинофильмам. Перечислю по памяти — «Прощай», «Семнадцать мгновений весны», «Ольга Сергеевна», «Ирония судьбы».

Итак, Микаел Таривердиев, диалоги.

— О себе, пожалуйста, в двух словах.

— Родился в Тбилиси. Окончил Ереванское музыкальное училище (класс проф. Егиазаряна), потом учился в московском Гнесинском институте у Арама Ильича Хачатуряна.

— Первые шаги в музыке особо запоминаются. Можете вспомнить о своей первой встрече со слушателем — это иногда бывает поучительно и...

— ...И смешно, я бы сказал. Звонят как-то из Союза композиторов. Так и так, мол, вы молодой, начинающий композитор и пора наладить контакты со слушателями, выйти, так сказать, из кабинета на улицу...

Согласился. А состоялась встреча в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха им. Горького. Как сегодня помню, вышел на сцену пятым, то ли шестым. Народу много, день, точнее вечер, теплый, воскресный. Настроение публики бодрое, кажется, даже слишком... Ну так вот, вышел на эстраду, сыграл одну вещь. Молчат. Ждут, что еще выдаст молодой. Исполнил вторую песню. Тишина гробовая, а слышу в ней недоумение, ропот. Потом раздражение прорвало. Эмоциональная часть аудитории недвусмысленно требовала прекратить выступление.

Сколько прошло с тех пор? Много. Но помню единственную фразу, которую я тогда произнес. «Я должен сыграть еще одну свою песню. — Голос, по-моему, дрожал от злости. — И я ее сыграю, пока в зале есть хоть один человек, которому это нужно». Так я сказал. И сыграл. Вот, собственно, о своей разведке боем.

— А что вы исполняли?

— Песни на слова отличного поэта Григория Поженяна.

— Действительно: поучительно и смешно. Ну это было тогда, как говорит наш брат, первые робкие шаги. Правоммерно будет сейчас говорить о ваших сегодняшних, уверенных и признанных шагах в музыке. Если без скромности, что вам сделано? Поделитесь, пожалуйста, с читателями.

— Известно, пристрелка проходит не всегда гладко. А сейчас? Сейчас вышли пластинки с записью тиражом более миллиона — довольно быстро разошлись. Издаются сборники (кстати, в эти сборники вошли и песни на слова Поженяна), выступают по радио и телевидению, на творческих встречах. Написал музыку к шестидесяти художественным фильмам. Удачи чередовались с неудачами. Это, надеюсь, также и вам понятно.

— Видимо, необходимы и неудачи. Они стимулируют, мобилизуют. Вроде зажигается какая-то лампочка внутри — предупреждает, сигнализирует... Многие, разумеется, это состояние испытывали на себе.

— Тогда не буду распространяться. Скажу только: недавно в Лос-Анджелесе стал лауреатом на конкурсе песен и музыки кинофильмов. Вместе с Бабаджаняном и Зацепиным...

— Искренне вас поздравляю, Микаел Левонич.

Музыку к кинофильмам писали выдающиеся композиторы: Шостакович, Хачатурян, Дунаевский. Это к тому, что музыкальное оформление фильмов дело не «второсортное». Много картин выпало из памяти, а музыка к ним, если, конечно, она на достойном уровне, живет как бы отдельно, уже новой, своей обособленной жизнью, вне связи с конкретной лентой. Французский композитор Мишель Легран широкой советской аудитории известен прежде всего своими чудесными сочинениями, написанными к фильмам. Мало кто помнит «Кубанских казаков», но песни Дунаевского к этой картине не забылись. Григорий Поженян ставил фильм «Прощай». Он не совсем получился, разговор сейчас не об этом. А вот таривердиевские песни к нему живы в памяти, их поют.

Разумеется, музыка не должна служить пассивным иллюстративным материалом к кино. Она призвана полнее раскрывать режиссерский замысел, интонационно усиливать кадр. Таковы лучшие песни Таривердиева, написанные для кинематографа.

Какую роль, например, играют в «Иронии судьбы» песни? В фильме их восемь, написанных Микаелом Таривердиевым на стихи Б. Пас-

тернака, М. Цветаевой, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной и других. Парадокс в том, писала недавно «Литературная газета», что «песни вроде бы совсем не соответствуют сюжету». «... На экране — веселая неразбериха, путаница, типичная комедия положений, а песни рассказывают о чем-то неизмеримо более значительном, о чем-то совсем другом — о нежности, любви, одиночестве, о бесконечной сложности человеческих отношений.

...Авторам понадобилась здесь высокая, настоящая поэзия, а не просто милые песенки, призванные, как это часто бывает, слегка разбавить замешкавшийся сюжет».

— Я хотел бы прервать нить разговора. Итак, об исполнителях. В каких вы с ними отношениях? Насколько мне известно, вы однолюб в привязанностях к исполнителям...

— Пока успешнее других мои произведения исполняют лауреат премии Московского комсомола Елена Камбурова, Иосиф Кобзон, Алла Пугачева. Пробовались же многие.

— Плохая песня усугубляется плохим исполнителем. Композитор — исполнитель — удача требует и от первого и от второго звена качества. Очень редко, когда талантливому певцу удается спасти слабую песню. Ну и как начало начал — слова будущего сочинения. Трехдневная схема: поэт — композитор — исполнитель. Скажите, что на ваш взгляд важнее в этой связи?

— Решительно все. Были случаи, когда на известную мелодию поэт заново писал текст...

— Кажется, Исаковский...

— Я тщательно подбираю стихи, которые должны лечь в основу будущей песни. Собственно, любой уважающий себя композитор поступает подобным образом. Я бы сравнил рождение песни со строительством дома: закладывается фундамент, потом возводятся стены. Согласитесь, в этом цикле все одинаково важно и значимо. Сколько мелодичных песен было загублено из-за недоброкачественной поэтической фактуры. Слова текста должны быть не только песенными, не только, так сказать, напевными, но и замешанными на дрожжах философской глубины.

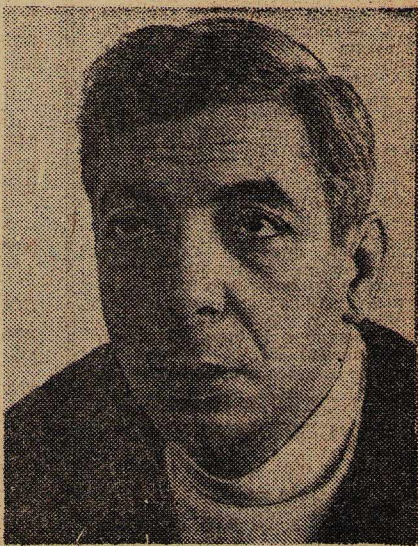
— Чтобы действительно слов невозможно было бы выкинуть... Как обстоит на ваш взгляд проблема подготовки современного эстрадного певца? И в связи с этим, каково ваше мнение об исполнительской школе молодых музыкантов?

— Если говорить об исполнительской школе молодых музыкантов, то дело неплохо поставлено в Ереванской консерватории и музыкальном училище им. Р. Меликяна. Но вот с эстрадными певцами положение тяжелое — их профессионально нигде не готовят. Составляет исключение экспериментальное эстрадное отделение при Московском музыкальном училище им. Гнесиных, оно существует почти год. Нельзя мириться с тем, что в эстраду приходят либо неудавшиеся вокалисты из камерной и оперной музыки, либо из художественной самодеятельности. Разумеется, это не значит, что такой путь притока в эстраду обречен на неуспех.

Но до тех пор, пока не будет создано специальное музыкальное училище или, как предварительная мера, эстрадный факультет при каком-либо ереванском музучилище, проблема кадров армянской эстрадной песни останется острой. По опыту знаю, что преподавать в таком училище должны композиторы, дирижеры, чей музыкальный вкус и культура могли бы явиться залогом формирования современного эстрадного певца.

Если о конкретных исполнителях, то мне импонируют Раиса Мкртчян и Эльвина Макарян — певицы своеобразные, с хорошими музыкальными данными. Мне довелось слушать в их исполнении песни талантливых композиторов Роберта Амирханяна, Мартына Вартазаряна. Впечатление сложилось прекрасное.

— Я полагаю, что у вас, Микаел Левонич, имеется свой монолог о современной эстрадной песне, становлении и развитии этого популярного жанра. Его просче-



тах, удачах. Как ориентироваться в этом большом и не всегда чистом потоке? Слушатель порою затрудняется отличить подделки, эзасы песенного искусства от самородка.

— Вопрос наболевший, и я привык на многочисленных вечерах отвечать на него. Что сказать? Судьей быть мне нелегко, сами понимаете почему. Трудно быть объективным, скажу прямо.

Песня — это дверь в музыку. На песнях воспитываются музыкальные вкусы миллионов. На каких песнях воспитался, отстоялся музыкальный вкус юного человека, имеет решающее значение. Иной раз человек до конца жизни не может понять, не может открыть для себя Баха, Бетховена, Шостаковича, Шедрина... И все от того, что — и я в этом убежден, — с детства, в юности привык слушать пошленькие, низкопробные песни. Ну, скажем, типа «Лады». Песни-пустышки, песни-пустоцветы обладают поразительной способностью атрофировать в слушателя тягу, стремление к сложному музыкальному произведению. Оношленная песня опасна вдвойне, если она на гражданскую, социальную тему. Такие песни, к сожалению, имеются и еще время от времени отравляют эстраду.

В мир настоящей, настоящей прекрасной песни нужно входить как в восточные храмы — сняв обувь... Таковы песни Пахмутовой «Нежность», Бабаджаняна «Не спеша», Петрова «Я шагаю по Москве», некоторые песни Р. Амирханяна...

— Мне приходилось слушать в вашем исполнении и в исполнении Елены Камбуровой песни из спектакля «Прощай, оружие» на слова Хемингуэя, вокальный цикл на стихи Михаила Светлова, Андрея Вознесенского. Они мне понравились. Но... Впрочем я свое, так сказать, некомпетентное сомнение оформлю в виде вопроса: не кажется ли вам, что в них, в частности, в песнях на слова Хемингуэя, имеются элементы армянских литургических песен?

— Я глубоко убежден, что национальное непременно сказывается в творческой деятельности: в отношении к материалу, манере обработки, в интонационном решении, художественном стиле...

— Язык современной эстрады унифицируется. Порой трудно отличить друг от друга песни грузинские, армянские, азербайджанские, узбекские... Закономерна ли такая унификация? Как ее расценить — как результат взаимовлияния, взаимообогащения и сближения музыкальных культур или она объясняется отсутствием в этих эстрадных песнях подлинно национальной основы?

— Вопрос интересный. Мне кажется, что его следует рассмотреть в двух аспектах.

Конечно, если музыкальное сочинение написано талантливым и профессионально, то можно говорить о взаимопроникновении и взаимообогащении.

К сожалению, чаще в некоторых случаях трудно прощупать не только национальную основу, но и определить автора.

— Кажется, подошли к проблеме индивидуальности стиля...

— Откровенно: я никогда всерьез не отношусь к произведению искусства, которое человек, обладающий музыкальным вкусом и культурой, прослушав, не мог бы уяснить автора.

Индивидуальность музыкального языка — важный фактор в оценке произведения.

— И традиционный вопрос: ваши планы?

— Закончил оперу «Граф Калиостро», балет по Горькому «Девушка и Смерть» (либретто Максима Мартиросяна). По его же либретто хочу написать одноактный балет, связанный с армянскими фресками, сделать фильм-балет по произведению Евг. Шварца «Тень». На днях выходит из печати опера «Кто ты?» по роману Вас. Аксенова «Пора, мой друг, пора».

И. ВЕРДИАН.

Ленинград.